

Чеховские уголки

Юрий Соболев

В БАБКИНЕ

В жизни А. П. Чехова были три эпохи, которые отразились на всем его творчестве. Он сам признавал это. Это были поездки к некоему Ивану Парфентьевичу в усадьбу, в донских степях, когда еще А. П. был гимназистом; затем г. Воскресенск и усадьба Бабкино, где А. П. провел четыре года тотчас по окончании курса университета, и, наконец, «Мелихово»... Эти слова биографа Чехова, его брата Михаила Павловича, должны принять к сведению те, кто посещает «чеховские уголки».

Ведь известно, что места, освященные пребыванием людей, нам дорогих и близких, приобретают силу необычайной притягательности: неудержимо хочется побывать там, где жил этот дорогой человек...

Быть может, это своего рода паломничество. Для пишущего эти строки таким паломничеством были «чеховские уголки» под Москвой.

Как раз они-то, то есть Мелихово и Бабкино, и отмечены в биографии Чехова, как целые полосы, запечатленные в творчестве Антона Павловича.

В Бабкино мы попали в жаркий, знойный, спокойный день, когда небо было совершенно безоблачно, по дороге лежала густыми пластами пыль, и зелень, сожженная и увядшая, казалась печальной и старой. Но кругом такая красота, что невольно забываешь о палящем полудне, раскаленном пути, тяжелом песке, в котором вязнут колеса ветхой брички. Старый Новоиерусалимский монастырь, белые главы которого в зелени деревьев так прекрасны, виден во все те 7 верст, что отделяют станцию от

А. П. Чехов

Бабкина. Мы минуем Воскресенск и направляемся непосредственно в бывшее имение Киселевых.

Наш ямщик еще застал Киселева, но Чехова, конечно, не помнит. Ведь это было в 1885 году!

Дорога идет то поднимаясь, то опускаясь меж овражками, то через лес, то через быструю и шумливую реку Истру.

Узнаем подробности о бывшем имении Киселевых. Оно принадлежит теперь г. Колесникову — владельцу большого мануфактурного дела в Москве, а раньше, после смерти Киселевых, им владел отставной гусар полковник Котляревский.

Колесников устроил ремесленную школу для девочек крестьян, где обучают и кройке, и шитью, — и все «задаром»...

Ну, вот мы и у цели нашего путешествия. Мимо парка, который сбегает с горы, деля полукруг, мы въезжаем на широкий двор. У ворот вывеска: «Художественно-ремесленная школа торгового дома «Алексей Колесников» в селе Бабкино, Звенигородского уезда». Признаться, видеть эту вывеску как-то странно у въезда в «барскую

усадьбу». А что это настоящая барская усадьба, из тех, что исчезают теперь безвозвратно, в этом можно удостовериться тотчас же по обилию надворных ладно и крепко строенных служб, флигелей, амбаров, кладовок, сараев и пр. и пр. Дом стоит в глубине. Он обращен, как потом оказалось, главным своим фасадом к реке и к лугам, ко двору примыкая одним только углом.

Предупредительный и радушный прием г. Колесникова несколько рассеивает неловкость, которую естественно ощущаешь, врываясь к незнакомым людям по делу.

Но наш хозяин очень любезен. Он охотно делится с нами своими сведениями по вопросу нас интересующему. К сожалению, он знает о Чехове и о том времени, когда он снимал тут у Киселевых дачу, мало. Ведь он приобрел это имение у Котляревского, а не у самого Киселева. Дом остался в том же виде, как и раньше. Только огромная его половина — анфилада комнат — занята школой. Две комнаты в жилой части сохранили и прежнюю обстановку. От них веет стародавней жизнью, аромат которой и в штофной мебели, и в старых гравюрах, и в чудесном гобелене на стене. Это напоминает комнату в доме Гаевых в «Вишневом саду»... Дом вообще поразительно красив. Ему около 80 лет, но он стоит крепко, выстроен прочно, и следов времени на нем незаметно. Он на горе — пред ним бежит Истра, расстилаются луга, вдали зеленеет лес. Несколько десятин парка. Вид из окон второго этажа составил одну из лучших картин Левитана, который жил и здесь, в усадьбе, и вон там, в чернеющей на горе деревеньке — Максимовке.

Мы проходим в парк. Около дома — над обрывом — площадка. Здесь, по рассказам, особенно любил сидеть Чехов. Здесь зародилась у него мысль о «Чайке».

— Смотрите, сколько тут чаек, — говорит наш путеводитель — обязательный г. Колесников.

И в самом деле: над Истрой все время реют белые чайки. И кажется таким естественным, что вот именно здесь, на этой площадке, с которой такой волнующий вид, глядя на этот лет нежных чаек, думал Чехов о «девушке, живущей у озера, свободной, как чайка».

Вон, там купальня. Стоит только спуститься по лестнице и пройти несколько шагов вдоль берега. На этом месте стояла купальня и при Киселевых. Вот тут-то и случился «Налим».

— На днях у нас умер пастух Сергей, — говорит г. Колесников, — он отлично помнил Чехова и рассказывал этого самого «Нали-

ма». Ведь это с ним и было. Это он и ловил налима «под жабры». Помнил он и рыжую англичанку, которая удила рыбу. Знаете у Чехова «Дочь Альбиона»? А на том берегу Чехов с Левитаном разыгрывали всякие шутки. Левитан изображал бедуина, Чехов стрелял в него и прочее.

Потом мы осматривали флигель во дворе, в котором жили Чеховы. Флигель длинный-длинный, узкий, низкий.

— У нас его кишкой зовут, — смеется хозяин. Во флигеле же помещалась и камера земского. Киселев, как известно, служил земским начальником. Тут и происходили судбища, о которых упоминается в письмах А. П.

Во дворе, ближе к воротам, другой флигелек. В нем жил Левитан. Над входом была прибита, шутки ради, вывеска: «Ссудная касса купца Левитана»...

Мы ходим по парку, любуемся домом, и кажется он похожим на тот дом, который показывают в Художественном театре в первом акте «Иванова». Вообще, несмотря на новые веяния, несмотря на то, что теперь здесь совсем иная жизнь — иные интересы (школа для крестьянских девочек, поглощающая все заботы теперешних владельцев Бабкина), все же веет здесь «чеховским» настроением того далекого времени, когда жил здесь он, еще молодой, такой веселый, остроумный...

И кажется, что сейчас с балкона раздастся голос старика Бегичева, описанного Чеховым в лице графа Шабельского*, а из дома польются мелодии рыдающей виолончели. Прощаясь, г. Колесников советует на обратном пути, по дороге в Воскресенск, проехать мимо Полевщинской церкви.

Эта заброшенная церковка при дороге описана Чеховым в его «Ведьме» и в «Недобром деле». Мы осматривали ее. Теперь она отремонтирована, живет рядом причт, в ней служат не раз в год, как при Чехове, а каждый праздник, и вообще она утратила весь свой таинственный и жуткий отпечаток, который оставил такое сильное впечатление на Антоне Павловиче.

В МЕЛИХОВЕ

От станции Лопасня, Московско-Курской железной дороги до села Мелихово 13 верст. Дорога идет по равнине, кое-где переходящей в возвышенность, встречаются овраги, земля глинистая, в дожди, верно, распутица полная. Золотится на солнце рожь и застенчиво, в скромной русской своей красоте, кивают и светятся васильки. Пейзаж обычный. «И все поля, поля кругом»...

Часа через полтора мы у цели нашего путешествия. Красные ворота, широкий двор, низкие постройки. Вот они и есть

«чеховские владения». Пока наш ящик идет докладывать теперешнему хозяину Мелихова — барону Стюарту — мы осматриваемся вокруг. Расстилается луг. Влево — купа деревьев, прямая, как ремень, березовая аллея. Это за пределами ограды. А там, за воротами, — виден сад, барский дом, службы. С посланным, принесшим нам разрешение на осмотр, входим во двор. «У меня наивный двор» — писал о нем

* В пьесе Чехова «Иванов».

Мелихово. Дом, в котором жил А. П. Чехов

Чехов. И правда, что-то ужасно милое, наивное в этих невысоких строениях, конюшнях, амбарах. Поражает изобилие изгородей, заборов, перегородок, плетней... Заливается цепной пес. Кудахчут куры. Вот и еще один часток. Отворяем калитку и входим в сад. Направо—одноэтажный с затейливыми окнами дом, с большой террасой, крытым переходом, соединяющим главное здание с пристройкой—кухней.

— Дом остался в том же виде, как и при Антоне Павловиче,— поясняет наш путеводитель.— Только вот этого прохода к кухне при нем не было.

— А вы Чехова-то хорошо помните?

— А еще бы. Мы с Антоном Павловичем друзья были. Я и при нем тут служил, при имени-то... Прокофием меня зовут. Бывало сколько вечеров я просидел с ним. В разговорах, да толках. Он, ведь, больше во флигеле жил, тут и писал.

Флигель—это тот маленький домик в саду, выстроенный самим Чеховым, в котором он жил и работал. Здесь написана «Чайка». И флигель сохранился в неприкосновенном виде. Только никто теперь не живет в нем. Мы заглядываем в окна: две небольших

комнатки. В первой от входа была его спальня, а во второй он писал.

— Всю ночь бывало сидит. Свечи жжет. Что не спите, Антон Павлович? А он: так, ничего, Прокофий, я за ночь два раза водой обольюсь, и ничего...

Ветхий дном, огромный дуб, «Маврийский», как прозвал его Чехов. Под ним скамейка, на ней любил сидеть А. П.

Вся молодая посадка сада сделана им. Это он вырастил сирень, хлопотливо развел розарий, разбил цветники.

— Все с цветами возился,— вспоминает Прокофий.

Идем к дому. Навстречу выбежали две таксы... Точь в точь Хина и Бром*.

Это сходство отметил и Прокофий. И казалось таким естественным, что вот сейчас выйдет и сам Антон Павлович и скажет, притворно сердясь на собак:—«Хотите, подарю пса? Вы не поверите, до чего глупая собака!»

Но Чехов не выйдет... И собаки это не те, и уже в доме не так, как было когда-то. Из вещей А. П. остался здесь маленький ста-

* У А. П. были две любимые собачки—Хина и Бром.

рый рояль, да письменный стол, вот и все. Остальное вывезено в Ялту. Впрочем, баронесса пояснила нам, что это имение, — «в сущности бездоходное» — они сохраняют в неизменном виде в память Чехова и ради Марии Павловны, очень дорожающей этим местом.

— Вы, Прокофий, — говорит госпожа Стюарт, — покажите им на деревне школу, которую выстроил Антон Павлович.

Здесь никто при нас ни разу не сказал «Чехов», а всегда именно так: «Антон Павлович» — ласково и нежно-любовно.

Пока идем селом, Прокофий все вспоминает свои долгие ночные беседы с Чеховым, передает нам о его деятельности, как хозяина, соседа и врача. Всем помогал — и деньгами, и лекарствами, и лечением. И хозяин был рачительный. Вырыл колодезь, выкопал два пруда. Крестьянам пожарный сарай построил. А когда в земстве служил, — на дороги деньги вносил. Три школы открыл. Одну здесь, да две в Талеже и Новоселках. Его очень любили, помнят и теперь. Служат 2-го июля панихиды. И он любил эти места. Все жалел, что доктора не позволяют тут жить, на юг гонят. Из Ялты писал часто, все о Мелихове расспрашивал. Школа выстроена прочно. Здание светлое, просторное, удобное. Встретились мы и с бывшим чеховским учеником. Теперь это — сельский староста, очень молодежавый на вид. Он учился два месяца при А. П., отлично его помнит. Антон Павлович чуть не каждый день ходил в классы. Всем интересовался, разговаривал с учениками, — во все вникал. В классной висит большой портрет А. П. и его отца Павла Егоровича. Недалеко от школы — церковь. Колокольню для нее выстроил Антон Павлович.

Мы отдыхаем на траве, а Прокофий и бывший чеховский ученик предаются воспоминаниям.

— А как он о больных заботился! Заболел у меня папаша. Приходит Антон Павлович. Осмотрел и говорит:

— Тут я один сделать ничего не могу. И ушел. Мы думали — не хочет. А она за 12 верст на своих лошадах за другим доктором послала, да фельдшера выписала. И денег не взяла. Папашу-то они и отходили.

— А сочинения-то его вы читали?

— Читали, но мало.

Прокофий читал Сахалин и еще несколько рассказов, а старосте хорошо запомнился «Злоумышленник».

— А о чем это? — заинтересовался Прокофий. Он все ловит в рассказах отголосок тех бесед, что вел он с Чеховым, и убежден, что что-нибудь да попало в книги из его рассказов. Вот бы только прочесть где...

— Злоумышленник — это про гайку. О том, как высшие не понимают низших. Мужичок не по злomu, а по невежеству отвинтил гайку, а его в тюрьму посадили.

И ясно, что живая душа рассказа почувствована и передана точно.

— Ну, а теперь я вас к пруду провожу, — говорит Прокофий.

Это второй пруд, вырытый Чеховым. Он среди молодого сада, у леса, в саженях 200 от дворовых строений. К нему ведет чудесная березовая аллея. Пруд затянулся ряской, вода мутная, серая. Давно не чистили. А рыбы в нем масса. Все Антон Павлович развел. Вот местечко, с которого он ловил карасей.

— Только мало ловил-то, — улыбается Прокофий. — «Я говорит, так, Прокофий, ради того, чтобы посидеть, на что мне их ловить-то!»

Молодой сад разросся буйно. Много цветов, густая зелень, тень. Липовая аллея ведет к дому. Это было любимое место Антона Павловича. Он мечтал тут построить домик.

— Ему этого очень хотелось, — заключает Прокофий. — Здесь писать ему было бы отлично — уединенно, людей нет. Никто не мешал бы думать. Он все ходил и думал. Все-то он думал.

Мы собираем скромные полевые цветы — последний нежный привет Мелихова, освященного для нас чеховскими годами, прожитыми в этом тихом и мирном месте... Но пора ехать...

— До свидания, Прокофий, спасибо.

Спасибо за верную и крепкую любовь, которой обвеяны были ваши воспоминания о Чехове!...

Мы возвращаемся в Лопасню. Дорогой перебираем в памяти то, что знаем об этом месте. Воспоминаем, как заботила и тревожила Чехова покупка Мелихова, как, свькшись с именем, полюбил Антон Павлович и этот дом с затеями, и этот наивный двор, и эти тихие аллеи, и русские дали, раскинувшиеся бескрайно. Он владел Мелиховым около десяти лет. Здесь написаны его лучшие вещи. Тут во сне увидел он черного монаха и потом рассказал о нем в повести.

Здесь он творил и осуществлял свое призвание — свою художническую любовь, утверждаясь в любви к людям и к жизни. Он скромно и незаметно, но благотворно и глубоко влиял на людей, и место, на котором прожил, оставил не в запустении, а украсил его. Деревья, им посаженные, говорят об его красивой мечте сделать жизнь цветущим садом...

И места эти теперь кажутся нам полными какой-то особой значительности, ибо таят они в себе рассказ о человеке, который тут жил, и который был так дорог и нужен всей стране.

Ока под Каширой.
Фото В. Титова

